

Луи Буссенар

КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА

*Иллюстрации
А. Уткина*

Москва
«Лабиринт Пресс»
2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Луи Анри Буссенар (1847–1910) получил медицинское образование в Париже. Почти в день вручения ему докторского диплома вспыхнула Франко-прусская война, и Буссенар был мобилизован в армию в качестве полкового врача. В рядах разгромленной французской армии будущий писатель пережил горечь прусского вторжения и с тех пор возненавидел войну. Он признавал право народа прибегать к оружию лишь в тех случаях, когда речь шла о защите свободы и независимости. Эта мысль проходит через все его книги. Образ доктора Тромпа, гуманиста и бойца народной армии, с которым читатель познакомится на страницах этого романа, носит черты автопортрета писателя.

Обогадившись жизненными наблюдениями, Буссенар после войны начинает литературную деятельность. Уже первые два романа приносят ему шумный успех и делают любимым писателем подрастающего поколения. Буссенар много путешествует по Америке, Африке и Австралии, и после каждого путешествия появляются новые произведения о приключениях храбрых французов в малоисследованных странах.

Историко-приключенческий роман «Капитан Сорви-голова» (1901) навеян войной за независимость Трансвааля и Оранжевой республики против английских колонизаторов. Борьба буров — потомков голландских и французских переселенцев — вызвала волну сочувствия во всём мире, и книга Буссенара тоже стала словом в поддержку маленьких бурских республик.

Книги Буссенара переведены на языки почти всех стран. Читатели любят его героев за неукротимую отвагу и за то, что в них живёт самое драгоценное качество юности — готовность бороться до конца за правое дело.

Константин Полевой, переводчик

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОЛОКОСОСЫ

Глава I

Смертный приговор. — Бур и его друг, молодой француз. — Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. — Осуждённый сам роет себе могилу. — Казнь. — Трагическая сцена. — Месть. — Капитан Сорви-голова и погоня за ним.

Старший сержант, исполняющий обязанности секретаря военно-полевого суда, поднялся. В руке у него клочок бумаги с приговором, который он только что нацарапал.

Резким и сухим голосом, отчеканивая каждый слог, он прочитал его осуждённому:

— «Совет полка, заседая в качестве военного суда, единогласно приговорил к смертной казни Давида Поттера, виновного в отравлении двадцати пяти лошадей четвёртой артиллерийской батареи. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведён в исполнение немедленно».

Пять членов суда в белых касках, с кобурами на поясных ремнях сидят на складных стульях, небрежно придерживая коленями сабли; у них надменный и презрительный вид джентльменов, вынужденных исполнять неприятную и скучную обязанность.

Один из них, молодой капитан, даже пробурчал сквозь зубы:

— Бог мой!.. Столько церемоний, чтобы отправить на тот свет какого-то мужика-мошенника, белого дикаря, мятежника, грабителя и убийцу!

Но председатель суда, красивый мужчина в форме полковника гайлендеров Гордона¹, остановив его лёгким движением руки, обратился к осуждённому:

---

¹ Гайлендеры — шотландские горцы. Здесь речь идёт о полке, который носит имя шотландского клана Гордон. (Примеч. ред.)

— Что можете вы сказать в своё оправдание, Давид Поттер?

Бур¹, который был на целую голову выше своих конвойных артиллеристов, стоявших по обе его стороны с саблями наголо, лишь презрительно пожал плечами. Потом отвернулся от членов суда и через тройную цепь солдат, выстроившихся с примкнутыми штыками вокруг судилища, устремил свой ясный взгляд туда, где стояли его неутешные родные.

Там, возле фермы, рыдала, ломая в отчаянии руки, молодая женщина, душераздирающе кричали дети, несчастные родители осуждённого грозили завоевателям своими немощными кулаками.

А яркие лучи солнца, словно желая подчеркнуть эту скорбную картину, пробиваясь сквозь причудливую листву акаций и гигантских мимоз, светлыми зайчиками играли на лугу, травяные волны которого уходили в недоступную для глаза даль.

Здесь он жил, любил, страдал и боролся до последнего дня.

На какой-то миг его взор затуманился слезой умиления, но её тотчас же осушил гнев.

Он выпрямился и, сжав кулаки, хриплым голосом ответил полковнику:

— Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость своей родины... Что же! Вы сильнее — убейте меня!

— Мы судьи, а не убийцы! — с негодованием прервал его председатель. — Вы, буры, ведёте бесчестную, недостойную цивилизованных людей войну... Война тоже имеет свои законы, и мы судим вас по этим законам.

— А по-вашему, это честная война, когда десять, пятнадцать, двадцать человек нападают на одного? — вскричал бюргер².

— Мы сражаемся с открытым забралом при помощи нашего оружия. И мы не судим тех, кто воюет с нами таким же оружием. А прибегать к яду подло, — продолжал полковник. — Сегодня вы травите лошадей, завтра возьмётесь за людей... Это заслуживает сурового наказания.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, гневно возразил:

— Я действовал как патриот, который уничтожает всё, что служит войне: людей, скот, военные материалы. И вам не удастся втолковать мне, почему убивать людей из ружья почётно, а травить ядом лошадей подло.

---

¹ Бурами называют потомков голландских, немецких и французских переселенцев в Южную Африку. (Примеч. ред.)

² Бюргер — бур-гражданин, то есть коренной бур, пользующийся правами гражданства.

— От этого животного толку не добьёшься, — снова процедил капитан, в глубине души смущённый наивной логикой крестьянина.

— Слушание дела закончено! — властно вмешался председатель. — Давид Поттер, приготовьтесь к смерти.

— А я и не прошу пощады. Если бы вы оставили меня в живых, я снова принялся бы за прежнее. Но я буду отомщён!.. Да, жестоко отомщён! Пролейте мою кровь. Пусть она льётся рекою!.. Кровь мучеников за независимость — это роса, питающая свободу!

Эти слова, произнесённые громовым голосом, бросили в дрожь людей, собравшихся перед фермой. А поражённый ими старший сержант, крякнув, возобновил чтение приговора:

— «Осуждённый сам выроет для себя могилу. Приговор будет приведён в исполнение взводом из двенадцати человек. Ружья зарядит сержант. Причём только шесть из них должны быть заряжены боевыми патронами, остальные же — холостыми».

Услышав этот странный параграф приговора, осуждённый разразился смехом, жутко прозвучавшим в такую минуту.

— Ха! Ха! Ха!.. Понимаю... Мне как-то говорили об этом, да я, признаться, не верил! — воскликнул бюргер. — Вы боитесь, как бы солдаты не стали жертвами мести за расстрелянных? И надеетесь такой уловкой отвести от них эту месть? Вы думаете, что если солдат, убивающий патриота, сам не знает, заряжено боевым патроном его ружьё или нет, то другие и подавно не узнают?.. Глупцы! Солдатам нечего бояться: моя месть не падёт на головы этих невольных соучастников вашего преступления. Она настигнет вас... да, только вас, так называемых судей, истинных и единственных виновников. Вас пятеро, вы сильны и здоровы, за вами английская армия численностью в двести тысяч человек — и всё равно месть поразит вас всех пятерых, и вы погибнете злою смертью, потому что я присуждаю вас к ней — я, обречённый на смерть.

Председатель встал и бесстрастно произнёс:

— Мы судим по праву и совести, и ваши угрозы не трогают нас. По закону вам не дозволяется общение с людьми, но из человеколюбия я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку тройная цепь солдат разомкнулась. Через образовавшийся проход ворвались убитые горем родные осуждённого.

Их человек тридцать; впереди жена Давида. Вне себя от горя, она бросается на грудь любимого и верного спутника своей жизни и иступлённо сжимает его в объятиях. Она не в силах вымолвить ни слова, убитая неотвратимостью страшной беды.

Возле неё красивый юноша. На нём охотничий костюм отменного покроя, изящество которого, так резко отличавшееся от скромной одежды буров, возбудило любопытство англичан.

Грустная улыбка озарила лицо осуждённого при виде юноши.

— Давид!.. Мой хороший, добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! — воскликнул молодой человек.

— Вы? Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Как я счастлив!.. Видите, они схватили меня — это конец... Не видать мне торжества нашей свободы и независимости.

— Погодите отчаиваться!.. Я попробую поговорить с ними, — произнёс юноша.

Он подошёл к собиравшимся уже уйти членам военного суда. Сняв шляпу, но не теряя чувства собственного достоинства, он обратился к председателю:

— Умоляю вас, милорд, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этой несчастной женщиной, над детьми, над этим человеком, действиями которого руководило лишь благородное чувство патриотизма. Вы сыны великой, сильной нации, будьте же великодушны!

— Мне очень жаль, — ответил полковник, отдавая честь затынутой в перчатку рукой, — но я бессилён помочь.

— Несколько дней жизни!.. Всего лишь несколько дней! Одну только неделю — и я берусь выхлопотать для него помилование.

— Не могу, молодой человек. Приговор произнесён именем закона, а все мы рабы закона, начиная от её величества королевы и кончая последним из наших парней.

— Я внесу залог.

— Нет.

— Десять тысяч франков за каждый день...

— Нет.

— Сто тысяч франков за день... Это составит миллион за десять дней!

— Миллион? Но кто же вы такой?

— Человек, умеющий отвечать за свою подпись, — ответил юноша с характерной для него вызывающей, но исполненной достоинства дерзостью. — Давид Поттер спас мне жизнь, и, если понадобится, я отдам за него всё до последней копейки, до последней капли своей крови!..

— Такое чувство делает вам честь, — прервал его полковник, — но на войне трудно руководствоваться чувствами. А теперь выслушайте меня внимательно, — продолжал он. — У меня есть сын, примерно вашего возраста, он служит офицером в моём полку. На нём сосредоточил я всю

свою отцовскую нежность, всё честолюбие солдата... Так вот, предположим, что он находится в плену у буров и должен быть расстрелян, как будет сейчас расстрелян этот человек. Предположим также, что мне, его отцу, предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

— И вы?.. — задыхаясь от волнения, спросил юноша.

— Не принял бы предложения, и мой единственный сын погиб бы!

Словно оглушённый этими словами, юноша опустил голову. Он понял: ничто уже не может спасти осуждённого, и настаивать бесполезно. Впервые постиг он весь ужас этого страшного бича, этого бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов, этого позорящего человечество чудовища, имя которому война!

Вернувшись к буру, окружённому рыдающими родными, он взял его руку в свои и с неизъяснимым выражением нежности и сожаления воскликнул:

— Мой добрый Давид!.. Я думал смягчить их — ничего не вышло... Надеяться больше не на что.

— И всё же я так благодарен вам, мой маленький храбрый француз, за ваше участие, — ответил бюргер. — Бог свидетель, на сердце становится теплей, когда видишь, что за наше дело борются такие люди, как вы!

— Неужели я ничего не могу сделать для вас? — прошептал юноша.

— Можете! Пробыть возле меня вместе с моей женой и детьми до последнего моего вздоха... Отомстить за меня! Всегда сражаться так же, как... поняли? И ни слова больше... Здесь слишком много ушей...

— Обещаю, Давид!

Офицеры между тем расходились по своим палаткам, с любопытством поглядывая на этого мальчика, который жонглировал миллионами и говорил как мужчина.

Остались только старший сержант, два артиллериста и пехотинцы, окружавшие место, где стояли осуждённый и его близкие. Сержант резким голосом приказал одному из солдат одолжить осуждённому свою лопатку.

Солдат отстегнул подвешенную на поясе, пониже рюкзака, траншейную лопату, которыми снабжена вся английская пехота, и подал её буру, а старший сержант, указав пальцем на землю, пояснил:

— Диг!.. Копай!..

Пожав плечами, бур спокойно ответил:

— Я не прикоснусь к этому английскому изделию, не стану марать своих рук, да и родную землю, в которой мне суждено покоиться вечно. Принесите-ка мне кирку да лопату, славные мои орудия. С их помощью я вспахал эту девственную землю, опустошаемую теперь завоевателями.

Ему принесли. Он схватил рукоятки, отполированные долгим трением о его огрубевшие от труда руки, и блестящее железо зазвенело. Потом двумя длинными шагами он отмерил на красноватой земле свой гигантский рост и засёк две глубокие зарубки. Английские солдаты, умеющие ценить мужество, не могли скрыть восхищения.

Бур поплевал на ладони, сжал рукоятку кирки и целиком ушёл в свою зловещую работу.

— Ну-ка, Давид, — бормотал он, — пошевели-ка в последний разок вскормившую тебя землю.

Согнув спину, напрягая руки и шею, на которых, словно верёвочные узлы, выступили мускулы, он мощными ударами стал вгрызаться в землю вельдта¹, и она, проносясь между его ног, послушно ложилась позади него. Затем он старательно выровнял лопатой яму, придав ей форму могилы.

Жена и дети, стоя на коленях под знойными лучами солнца, которое было уже в зените, тихо плакали.

Солдатам разрешили присесть. Они стали закусывать, вполголоса переговариваясь. Время между тем шло, и могила углублялась. Великан-бур всё глубже и глубже уходил в землю, лишь изредка прерывая свою ужасную работу, чтобы тыльной стороной руки отереть струившийся по лицу пот. Время от времени он взглядывал украдкой на жену и детей. И тогда, невзирая на усталость, начинал работать быстрее, спеша поскорее покончить со столь страшным для них зрелищем.

Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу, полную виски.

— Выпейте, товарищ, это от чистого сердца, — ласково сказал он.

— Виски?.. Нет, спасибо. Ещё подумают, что я выпил для храбрости. Но я охотно приму от вас немного воды, товарищ!

Друзья и родные, окружённые цепью солдат, не могли пойти за водой.

Солдат сбегал в дом и принёс деревянный ковш свежей воды. Давид, припав к нему губами, жадно пил, а солдат возвратился на своё место, рассуждая:

— Вода!.. Ну разве может она сойти за христианский напиток, особенно в тот час, когда человек должен навсегда забыть вкус виски? Да если бы я был так же близок, как он, от того, чтобы сыграть в ящик, уж я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня зовут Томми Аткинс!

---

¹ Вельдт, или вельд — название степи в Южной Африке.

А время шло, безжалостно текли минуты. Солнце склонялось к западу. И всё глуше звучали удары кирки в зияющей яме, поглотившей бура уже до самых плеч. Жена его распротёрлась на земле и, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не отрывала глаз от двух огромных бугров, нараставших по обе стороны могилы.

Послышался треск затворов. То старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести патронов пули, заряжал ружья.

Вот он уже принёс винтовки и бросил их на землю. Затем, подойдя к буру, который продолжал копать землю, сказал:

— Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

А тот, прервав работу, поднял голову и спокойно ответил:

— Я готов.

Уложив рукоятку лопаты поперёк ямы и ухватившись за неё, он подтянулся на руках, одним прыжком перемахнул через могильный скат — и вот он уже стоит на земле, измазанный красноватой землёй, освещённый косыми лучами солнца, огромный, трагически величественный.

Жена и дети бросились было к нему, но караул по знаку сержанта оттеснил их. И тотчас же выступили вперёд двенадцать невооружённых солдат, назначенных в этот страшный наряд. Разобрав наугад принесённые сержантом ружья, они выстроились в ряд. К осуждённому подошёл старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени. Бур энергично запротестовал:

— Единственная моя просьба к англичанам — позволить мне умереть стоя, глядя на Божье солнце, и самому скомандовать: огонь!

— Я не могу отказать в этом столь мужественному человеку, как вы, — ответил сержант, козырнув ему по-военному.

— Благодарю.

Взвод находился на расстоянии примерно пятнадцати шагов.

Бур стал лицом к солдатам, спиной к могиле.

Мёртвая тишина повисла над лагерем. Смолкли рыдания и стоны. Жгучая мука охватила все сердца.

Короткая команда, мгновенное дребезжанье металла, и двенадцать стволов вытянулись ровной сверкающей линией: солдаты взяли бура на прицел.

Осуждённый стоял с обнажённой головой и открытой грудью.

Глубоко вздохнув, он воскликнул:

— Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай всё, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

